

ГЛАВА 2

СЧАСТЛИВОЕ РОЖДЕСТВО

Джо была первой, кто проснулся, когда забрезжил седой рассвет рождественского утра. Ни одного чулка с подарками не висело у камина, и на мгновение она ощутила такое же глубокое разочарование, какое испытала однажды в раннем детстве, когда ее чулок упал, так как был битком набит подарками. Потом она вспомнила об обещании матери, сунула руку под подушку и достала небольшую книжечку в малиновой обложке. Она очень хорошо знала эту книжку, ибо это была прекрасная старая история о замечательной жизни, лучшей из всех когда-либо прожитых на земле, и Джо всей душой почувствовала, что это настоящий путеводитель для каждого пилигрима, отправляющегося в дальний путь. Она разбудила сестру радостным восклицанием: «Счастливого Рождества, Мег!» — и предложила ей тоже заглянуть под подушку. Оттуда появилась такая же книжка, только в зеленой обложке, с той же самой картинкой внутри и теми же напутственными словами, написанными матерью. Надпись эта делала подарки по-настоящему драгоценными в глазах

девочек. Проснувшиеся Бесс и Эми тоже заглянули под подушки и нашли там свои маленькие книжечки — серебристую и голубую, — и теперь все сидели, разглядывая подарки и беседуя, а восток все сильнее разгорался розовым светом приближающегося дня.

Несмотря на некоторую суетность и тщеславие, Маргарет отличалась кротостью и набожностью, чем невольно влияла на сестер, особенно на Джо, которая нежно ее любила и следовала ее советам, так как давались они мягко и с любовью.

— Девочки, — сказала Мег серьезно, переводя взгляд с растрепанной головы рядом с собой на две головки в ночных чепчиках на постели в смежной комнате, — мама хочет, чтобы мы с любовью и вниманием читали эту книгу, и мы должны начать прямо сейчас. Прежде мы добросовестно относились к подобным вещам, но с тех пор, как папа ушел в армию и трудности, связанные с войной, выбили нас из колеи, мы многое стали упускать из виду. Вы, конечно, как хотите, но я буду держать мою книжку здесь, на ночном столике, и читать понемногу каждое утро, как только проснусь. Я уверена, что это принесет мне пользу и будет поддерживать меня в течение всего дня.

Затем она открыла свою новую книжку и начала читать. Джо обняла ее и, прижавшись щекой к ее щеке, тоже погрузилась в чтение со спокойным выражением, которое так редко можно было увидеть на ее подвижном лице.

— Какая умница Мег! Давай, Эми, и мы поступим так же. Я помогу тебе, если встретятся трудные слова, а они объяснят нам, если что-то окажется непонятным, — шепнула Бесс, под глубоким впечатлением от красивых книжек и примера старших сестер.

— Я рада, что моя — в голубой обложке, — пробормотала Эми.

Затем в комнатах воцарилась тишина, которую нарушал лишь шелест переворачиваемых страниц, а зимнее солнце заглядывало в окна, чтобы в ласковом рождественском приветствии коснуться блестящих волос и серьезных лиц.

— А где же мама? — спросила Мег у Ханны, когда полчаса спустя они с Джо сбежали вниз, чтобы поблагодарить мать за подарки. Ханна жила в семье со времени рождения Мег и считалась скорее другом, чем служанкой.

— Да кто же ее знает! Приходил тут мальчуган какой-то милостыню просить, вот ваша мамаша и пошла прямо к нему домой, чтоб поглядеть, чем там помочь можно. Не было на свете другой такой женщины, что так раздарила бы еду да питье, одежду да дрова, — отвечала Ханна.

— Я думаю, она скоро вернется, Ханна, так что все равно грейте булочки и накрывайте на стол, — сказала Мег, выдвигая из-под дивана корзинку, где были спрятаны и ожидали своего часа подарки, предназначенные для мамы. — А где же подарок Эми? — спросила она, обнаружив, что флакончика с одеколоном в корзинке нет.

— Она только что вытащила свою бутылочку и унесла, чтобы перевязать ленточкой или что-то в этом роде, — ответила Джо, пританцовывая в новеньких туфлях, чтобы немного размять их, прежде чем вручить маме.

— Красивые у меня получились платочки, правда? Ханна выстирала и выгладила их для меня, а я сама вышила на них метки, — сказала Бесс, с гордостью глядя

на не очень ровные буквы, которые стоили ей немалых трудов.

— Вот это да! Она взяла и вышила на них «Мама» вместо «Миссис Марч». Ну и смех! — воскликнула Джо, взяв в руки один из платочков.

— Разве это плохо? Я подумала, что так будет лучше, ведь у Мег те же инициалы — «М. М.», а я хотела, чтобы никто, кроме мамы, не пользовался этими платками, — отозвалась Бесс с обеспокоенным видом.

— Все замечательно, дорогая. Очень хорошая идея, вполне разумная; теперь никто не ошибется. И ей очень понравится, я знаю, — сказала Мег, с неодобрением взглянув на Джо и с улыбкой на Бесс.

— Мама идет! Прячь корзинку, живо! — приказала Джо, когда в передней хлопнула дверь и послышались шаги.

В комнату торопливо вошла Эми; она смутилась, увидев, что все сестры ждут ее.

— Где ты была? И что ты прячешь за спиной? — спросила Мег, удивленная тем, что, судя по капору и плащу, ленивая Эми выходила из дома так рано.

— Только не смейся надо мной, Джо! Я хотела, чтобы никто не узнал раньше времени. Я сбегала и поменяла маленькую бутылочку на большую и отдала за нее *все* мои деньги. И честное слово, я постараюсь больше не быть такой эгоисткой.

С этими словами Эми показала красивый большой флакон, который заменил прежний, дешевый, и выглядела она такой искренней и смиренной в этом маленьком усилии самоотречения, что Мег тут же обняла ее, а Джо объявила «молодцом», в то время как Бесс подбежала к окну и выбрала самую красивую из своих розочек, чтобы украсить ею внушительный флакон.

— Понимаете, мне стало стыдно за мой подарок, после того как сегодня утром мы говорили и читали о том, как быть хорошими. И как только я встала, сразу побежала в магазин. Я так рада, потому что мой подарок теперь самый красивый!

Снова послышался стук парадной двери — и корзинка исчезла под диваном, а девочки поспешили к столу, который уже был накрыт к завтраку.

— Счастливого Рождества, мама! Спасибо за книжки! Мы уже читали их сегодня и будем делать это каждое утро! — закричали они хором.

— Счастливого Рождества, доченьки! Я очень рада, что вы сразу начали читать, и надеюсь, что будете возвращаться к этой книге снова и снова. Но прежде чем мы сядем за стол, я хочу кое-что сказать вам. В одном из домов неподалеку отсюда лежит бедная женщина с новорожденным младенцем. Шесть ее детишек, съезжившись, прижались друг к другу в одной постели, чтобы не замерзнуть, потому что у них нет дров. В доме нет никакой еды, и старший мальчик пришел сказать мне, что они страдают от голода и холода. Девочки мои, вы согласны подарить им на Рождество свой завтрак?

Девочки были голодны более обычного, после того как прождали завтрак целый час, и с минуту все молчали — только минуту, а потом Джо воскликнула с жаром:

— Как хорошо, что ты пришла прежде, чем мы начали есть!

— Можно я пойду с тобой и помогу отнести еду этим бедным детям? — спросила Бесс горячо.

— Я понесу сливки и булочки, — добавила Эми, героически отказываясь от того, что больше всего любила.

Мег уже накрывала горшочек с гречневой кашей и складывала ломтики хлеба в одну большую тарелку.

— Я знала, что вы поступите именно так, — сказала миссис Марч с улыбкой удовлетворения. — Мы пойдем все вместе, и вы поможете мне, а когда вернемся, то позавтракаем хлебом и молоком.

Вскоре все были готовы и двинулись в путь. К счастью, время было раннее и шли они по маленьким улочкам, так что лишь немногие видели их и никто не посмеялся над этой странной процессией.

И вот — жалкая, голая комната с выбитыми стеклами, без огня, лохмотья на постели, больная мать, плачущий младенец и несколько бледных, голодных детей, скорчившихся от холода под одним старым одеялом. Как засияли большие глаза и заулыбались посиневшие губы этих детей, когда девочки вошли в комнату!

— Mein Gott!* Добрые ангелы пришли к нам! — воскликнула бедная женщина, заплакав от радости.

— Ну и ангелы! В капорах и в перчатках! — сказала Джо, и все рассмеялись.

Через несколько минут и в самом деле могло показаться, что за дело взялись добрые духи. Ханна, которая принесла с собой полено, развела огонь, заткнула разбитые стекла старыми шляпами и занавесила собственным плащом. Миссис Марч дала больной чаю и жидкой овсянки и теперь, сидя рядом с ней, утешала ее обещаниями помощи и пеленала младенца с такой нежностью, как если бы он был ее собственным. Тем временем девочки распаковали провизию, усадили детей у огня и кормили их, словно голодных птенцов, смеясь,

---

* Мой Бог! (нем.)

болтая и пытаясь понять забавно исковерканный английский.

— Das ist gut! Die Engel-Kinder!* — восклицали бедняжки, пока ели и грели свои красные руки у уютно потрескивавшего пламени.

Девочек никогда еще не называли ангелами, и они нашли это очень приятным, особенно Джо, которую считали Санчо** с самого ее рождения. И хотя они ничего не ели, это был их самый счастливый завтрак, а когда они ушли, то оставили за собой тепло и уют. И я думаю, что не было в тот день во всем городе четырех более веселых людей, чем эти четыре голодные девочки, которые отказались от завтрака и поели в то рождественское утро лишь хлеба с молоком.

— Вот это и значит любить ближнего больше, чем себя самого, и мне это нравится, — сказала Мег, когда они снова достали из-под дивана корзинку с подарками, пока мать наверху собирала одежду для бедного семейства Хаммелей.

Конечно, подарки не являли собой великолепного зрелища, но сколько любви было вложено в эти четыре маленьких свертка и какой праздничный вид придавала столу, на котором они лежали, высокая ваза с красными розами, белыми хризантемами и зелеными веточками петунии!

— Идет! Начинай, Бесс! Открывай дверь, Эми! Да здравствует мама! — вскричала Джо, пританцовывая и подбегая следом за Мег к двери.

---

* Хорошо! Дети-ангелы! (нем.)

** Санчо Панса — верный оруженосец Дон-Кихота, персонаж знаменитого романа Сервантеса (1547–1616).

Бесс заиграла самый веселый марш, Эми распахнула дверь, а Мег торжественно провела мать к почетному месту. Миссис Марч была удивлена и тронута. Глаза ее наполнились слезами радости, и она, улыбаясь, рассматривала подарки и читала приложенные к ним записочки. Туфли были немедленно надеты, новый носовой платочек надушен одеколоном Эми и положен в карман, а о красивых перчатках сказано, что они «ну совсем как раз». Немало было здесь смеха, поцелуев, веселых объяснений — и все это в той простой, уютной, исполненной любви домашней атмосфере, которая делает семейные праздники такими приятными и заставляет с нежностью вспоминать о них долгие годы.

А потом все принялись за работу. Посещение Хаммелей и церемония вручения подарков заняли так много времени, что весь остаток дня пришлось посвятить приготовлениям к вечернему спектаклю. Все еще слишком юные, чтобы часто посещать театр, и не такие богатые, чтобы позволить себе большие расходы, девочки пускали в ход всю свою изобретательность и — нужда всему научит — сами делали все, что было необходимо для домашних представлений. Некоторые из их изобретений были весьма удачными: гитары из досок для разделки теста; старинные лампы из старомодных масленок, обернутых серебряной бумагой; великолепные платья из старых ситцевых, с пришитыми к ним сверкающими кусочками жестяных консервных банок; доспехи, покрытые вырезанными в форме ромбов кусочками тех же очень полезных жестянок. Мебель обычно использовали не по прямому назначению, а переворачивая ее вверх дном, и большая гостиная оказывалась сценой множества невинных развлечений.

Никакие мальчишки к участию в представлениях не допускались, так что Джо могла исполнять мужские роли сколько душе угодно и всегда с огромным удовлетворением надевала пару сапог из некрашеной кожи, подаренных ей одним из друзей, который был знаком с одной дамой, близко знавшей настоящего актера. Эти сапоги, старая рапира и камзол с разрезами, однажды использованный каким-то художником, писавшим историческую картину, были главными сокровищами Джо и неизменно появлялись на сцене в каждом спектакле.

Ограниченность численного состава труппы делала необходимым для двух главных актеров играть по нескольку ролей в каждой постановке, и они, конечно же, заслуживали похвал за тяжкий труд, который принимали на себя, разучивая по три или четыре роли, молниеносно меняя костюмы во время представления и успевая вдобавок управляться с переменной декораций. Это являлось как великолепной тренировкой памяти, так и безобидным развлечением, занимавшим немало часов, которые иначе оказались бы скучными, ничем не заполненными или проведенными в менее благотворных занятиях.

В рождественский вечер около десятка девочек набились в кровать, изображавшую бельэтаж, и сидело там перед желто-голубым занавесом из мебельного ситца в самом лестном для актеров состоянии нетерпеливого ожидания. За занавесом было немало шорохов и шепота, несколько раз доносилось хихиканье возбужденной Эми, зрители чувствовали запах дыма от керосиновой лампы. Наконец прозвенел звонок, занавес раздвинулся, и спектакль начался.

«Мрачный лес», обещанный театральной программой, был изображен несколькими комнатными растениями в горшках, куском зеленого сукна на полу и пещерой на заднем плане. Пещера была сделана из двух письменных столов вместо стен и рамы для сушки белья вместо крыши. В ней виднелась маленькая печь с черным котелком на фоне ярко пылающего огня, над которым склонялась старая волшебница. На сцене было темно, и жар печи произвел великолепное впечатление, особенно потому, что, когда волшебница приподняла крышку, из котелка повалил настоящий пар. Выдержав минутную паузу, чтобы улеглось первое волнение среди публики, вошел Гуго, злодей с черной бородой, позвякивающим мечом на боку, в фетровой шляпе с большими опущенными полями, в широком плаще и сапогах из некрашеной кожи. Походив взад и вперед по сцене в большом волнении, он ударил себя по лбу и, не в силах сдержать неистовую страсть, зашел о своей ненависти к Родриго, любви к Заре и решимости убить первого и добиться любви от второй. Грубоватые звуки голоса Гуго, переходящие иногда от избытка чувств в крик, произвели глубокое впечатление, и в тот момент, когда он остановился, чтобы перевести дух, зрители бурно зааплодировали. Поклонившись с видом человека, привыкшего к сценическому успеху, Гуго приблизился к пещере и обратился к волшебнице Хейгар с приказом: «Эй, ты, старуха! Выходи! Ты мне нужна!»

Появилась Мег, с длинными седыми волосами из конского хвоста, в красно-черном платье, с посохом в руке и кабалистическими знаками на плаще. Гуго потребовал у нее одного зелья, чтобы заставить Зару полюбить его, и другого, чтобы известить Родриго. Хейгар в прекрасной,

исполненной драматизма арии пообещала ему то и другое и приступила к вызову духа, способного доставить любовный напиток:

Дух любви, из роз рожденный,
Сладкой вскормленный росой,
Чудной властью наделенный
Над любой людской судьбою.
Я к тебе, о дух, взываю:
Где волшебная вода?
Я тебя с ней ожидаю.
Дух любви, сюда, сюда!

Нежная мелодия отзвучала, и в задней части пещеры появилась маленькая фигура в чем-то белом, со сверкающими крыльями и золотыми волосами, украшенными венком из роз. Взмахнув золотым жезлом, это видение запело:

Из страны сладких грез
Я напиток принес.
Но навек ты запомнить должна:
Для добра одного
Служит сила его,
А иначе иссякнет она.

И, уронив маленькую позолоченную бутылочку к ногам волшебницы, дух исчез. Новая песнь Хейгар вызвала появление другого призрака — на этот раз совсем не привлекательного, ибо из пещеры с шумом появился противный черный чертенок и, прокричав свой ответ, швырнул в Гуго черную бутылочку и исчез с издевательским

смехом. Мелодично излив свою благодарность и засунув обе бутылочки за голенища сапог, Гуго удалился, а Хейгар сообщила публике, что в прошлом он убил нескольких ее друзей и поэтому она прокляла его и намерена отомстить, разрушив все его планы. Вслед за этим занавес закрылся, и в перерыве публика отдыхала, ела печенье и обсуждала достоинства оперы.

Довольно долго со сцены доносился стук молотка, но, когда занавес вновь раздвинулся и стало очевидным, какой шедевр плотницкого искусства был возведен за время антракта, никто не посмел жаловаться на задержку. Зрелище было поистине великолепным! До самого потолка поднималась башня, а посередине ее располагалось освещенное лампой окно, в котором из-за белой занавески появилась в прелестном голубовато-серебристом платье Зара, ожидающая Родриго. И он появился — в великолепном наряде, в шляпе с перьями, в красном плаще, с выпущенным на лоб каштановым локоном, с гитарой и, разумеется, в тех же самых сапогах из некрашеной кожи, в которых в первом действии появлялся Гуго. Преклонив колено у подножия башни, он запел чувствительнейшую серенаду. Зара отвечала и, после музыкального диалога, согласилась на побег. И тут произошла самая эффектная сцена спектакля. Родриго извлек из кармана веревочную лестницу, забросил наверх один конец и предложил Заре спуститься. Она робко выскользнула из-за решетки окна, положила руку на плечо Родриго и уже собиралась грациозно спрыгнуть вниз, когда — увы, бедняжка Зара забыла о своем шлейфе, и он зацепился за окно — башня зашаталась, наклонилась вперед и, упав с грохотом, погребла несчастных влюбленных в развалинах! Раздался всеобщий вопль, над

руинами отчаянно задержались ноги в сапогах из некрашеной кожи, а рядом с ними появилась золотистая головка, восклицающая: «Я тебе говорила! Я тебе говорила!» В этот момент в дело с удивительным присутствием духа вмешался дон Педро, жестокосердный родитель Зары. Он извлек свою дочь из-под развалин, коротко заметив: «Не смейся! Играй как ни в чем не бывало!», а затем приказал Родриго встать и с гневом и презрением изгнал его из своего королевства. Хотя и явно потрясенный падением башни, Родриго не повиновался величественному старцу и отказался двинуться с места. Своим примером неустрашимый возлюбленный зажег Зару: она также бросила вызов своему суровому родителю, и в результате он отправил обоих в глубочайшее подземелье замка. Явился маленький, толстенький и румяный стражник с цепями и увел влюбленных, имея при этом очень испуганный вид и, очевидно, забыв речь, которую ему надлежало произнести.

Третье действие разворачивалось в одном из залов замка, куда явилась Хейгар, чтобы освободить влюбленных и разделаться с Гуго. Услышав его шаги, она прячется и наблюдает, как он выливает содержимое волшебных бутылочек в два кубка вина и приказывает маленькому робкому слуге: «Снеси то пленникам в темницу и передай, что скоро я приду». Слуга отводит Гуго в сторону, чтобы что-то сказать ему, а тем временем Хейгар заменяет отравленные кубки на другие, безвредные. Фердинандо, слуга, уносит их, а Хейгар выставляет обратно на стол кубок, в котором находился предназначенный для Родриго яд. Гуго, возжаждавший после долгих трелей, выпивает его, теряет рассудок и, после продолжительного сжимания кулаков и топанья ногами, падает плашмя

и умирает, в то время как Хейгар в арии, исполненной исключительной силы и мелодичности, сообщает ему о том, что она сделала.

Это была по-настоящему захватывающая сцена, хотя некоторые, возможно, сочли, что неожиданно выбившиеся из-под шляпы в огромном количестве густые длинные волосы изрядно испортили впечатление от смерти злодея. Публика громко вызывала Гуго, и он с большим достоинством выходил кланяться, ведя за руку Хейгар, чье пение рассматривалось как самое замечательное в спектакле, более замечательное, чем все остальное, вместе взятое.

Четвертое действие представляло отчаявшегося Родриго на грани самоубийства, после сообщения о том, что Зара изменила ему. Но в последний момент, уже приставив кинжал к сердцу, он слышит под окном прелестную песню, из которой узнает, что Зара верна ему, но находится в опасности и что он может спасти ее, если пожелает. В окно брошен ключ, который откроет дверь, и в порыве восторга Родриго рвет свои цепи и бросается вон из темницы, чтобы найти и спасти возлюбленную.

Пятое действие открывалось бурной сценой между Зарой и доном Педро. Он требует, чтобы она удалилась в монастырь, но она не желает и слышать об этом и, излив трогательные мольбы, готова лишиться чувств, когда врывается Родриго и требует ее руки. Но он беден, и Дон Педро отказывает ему. Герои отчаянно кричат и жестикулируют, но никак не могут прийти к согласию, и Родриго уже собирается унести измученную Зару, когда входит робкий слуга с письмом и мешком от Хейгар, которая таинственно исчезла. В письме она объявляет присутствующим, что завещает юной паре несметные

богатства, и угрожает обречь на ужасную кончину дона Педро, если он будет противиться их счастью. Мешок развязан, и жестяные деньги сыплются на сцену, пока вся она не начинает блестеть, поражая великолепием. Это окончательно обезоруживает «сурового родителя». Он уступает без звука, все сливаются в радостном хоре, и занавес закрывает влюбленных, опустившихся на колени, чтобы получить благословение дона Педро, в позах, исполненных самой романтической грации.

Последовавшие бурные аплодисменты натолкнулись на неожиданное препятствие, ибо складная кровать, на которой был возведен «бельэтаж», неожиданно закрылась и тем подавила энтузиазм публики. Родриго и дон Педро бросились на помощь, и все были извлечены целыми и невредимыми, хотя многие не могли говорить от хохота. Едва волнение улеглось, как появилась Ханна с поздравлениями от миссис Марч и приглашением к ужину.

Приглашение явилось приятным сюрпризом даже для актеров, а когда они увидели стол, то переглянулись в изумлении и восторге. Конечно, мама часто старалась устроить для них маленькое угощение, но столь великолепное пиршество, как это, было неслыханным с давно ушедших в прошлое дней достатка. Здесь было мороженое, и даже двух видов — розовое и белое, торт, фрукты и совершенно умопомрачительные французские конфеты, а в центре стояли четыре больших букета оранжевых цветов!

Все были поражены и, затаив дыхание, уставились сначала на стол, а затем на миссис Марч, которая, судя по ее виду, необычайно наслаждалась происходящим.

— Кто это сделал? Феи? — спросила Эми.

— Это Санта-Клаус, — сказала Бесс.

— Это мама! — И Мег улыбнулась самой нежной улыбкой, несмотря на свою седую бороду и лохматые белые брови.

— У тети Марч было хорошее настроение, и она прислала нам этот ужин! — воскликнула неожиданно осе- ненная этой мыслью Джо.

— Не угадали. Это прислал старый мистер Лоренс, — улыбнулась в ответ миссис Марч.

— Мистер Лоренс! Да как это ему такое в голову при- шло! Ведь мы его совсем не знаем! — воскликнула Мег.

— Ханна рассказала одному из его слуг о вашем се- годняшнем завтраке. Мистер Лоренс немного странный старик, но то, что он услышал от слуги, ему понравилось. Много лет назад он был знаком с моим отцом и сегодня прислал мне любезную записку, в которой выразил на- дежду, что я позволю ему проявить дружеские чувства к моим детям и передать им небольшое угощение в честь праздника. Я не могла отказать, и поэтому сегодня у вас будет небольшой вечерний пир, чтобы возместить скуд- ный завтрак.

— Это его внук подал ему такую идею, я точно знаю! Он отличный парень, и я очень хотела бы познакомиться с ним поближе. Похоже, он и сам не прочь с нами подружиться. Только он очень застенчивый, а Мег такая церемонная, что не позволяет мне заговорить с ним, когда мы проходим мимо, — сказала Джо, когда блюда пошли по кругу и мороженое начало исчезать на глазах под охи и ахи восторга.

— Вы говорите о ваших соседях, которые живут в боль- шом каменном доме, да? — спросила одна из приглашен- ных. — Моя мама знает старого мистера Лоренса. Она

говорит, что он очень гордый и не желает общаться с соседями. И внука своего он держит взаперти и заставляет целыми днями учиться. Мальчик только иногда ездит верхом или гуляет со своим наставником. Мы однажды пригласили его на вечеринку, но он не пришел. Мама говорит, что он очень милый, но он никогда не разговаривает с нами, девочками.

— Когда наша кошка как-то раз убежала в их сад, он принес ее назад, и мы с ним поговорили у забора — про крикет* и все такое — и отлично поладили, но как только он увидел, что Мег идет, так сразу ушел. Но я все равно собираюсь познакомиться с ним поближе, потому что ему одиноко и грустно, я в этом уверена, — сказала Джо решительно.

— Мне нравятся его манеры, он выглядит как настоящий юный джентльмен; так что я не возражаю, чтобы вы познакомились с ним, если представится подходящий случай. Он сам принес эти цветы, и я охотно пригласила бы его зайти, если бы точно знала, что происходит тут у вас наверху. У него был такой печальный вид, когда он уходил, слыша звуки веселья, которого явно лишен сам.

— Какое счастье, что ты не пригласила его зайти, мама! — засмеялась Джо, глядя на свои сапоги. — Но ничего, потом мы поставим другую пьесу, такую, что и он сможет увидеть или даже принять участие в спектакле. Весело будет, правда?

— Я никогда не видела таких цветов! Какие красивые! — Мег разглядывала букеты с большим интересом.

---

* Крикет — игра на травяном поле, в которой участники двух команд ударами биты по мячу стараются большее число раз загнать его в ворота противника.

— Просто прелесть! Но все же мне милее розы Бесс, — сказала миссис Марч, нюхая уже начинающий вянуть букетик, приколотый к ее платью.

Бесс прижалась к ней и шепнула нежно:

— Как я хотела бы, чтобы можно было послать мой букет папе. Боюсь, у него не такое веселое Рождество, как у нас.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

